Надежда КНЯЗЕВА

г. Арзамас

СЛОВА ЛЕТЯТ

Слова летят вперёд, их так легко сказать,
Поскольку наш язык напоминает птичий.
По небу – вертолет,
навстречу – стрекоза,
И общего у них
чуть больше, чем различий.
Протяжный след
баржи разрежет реку вдоль,
Но зарастет водой —
покажется виденьем.
Так мы стремимся жить, переступая боль,
И учимся летать, преодолев паденье.
Слова летят на свет, закат на волоске,
На золотом виске,
как в лампочке, горящий.
И прожитого нет, как следа на песке,
И будущего нет.
Мы дышим настоящим.

ЛЮБЬЮ

бьюсь об заклад об лёд об стену бьюсь
что это не любовь а только груз
ответственности господи прости
который больше некому нести

уйди отстань за руку не держись
мне тяжело тащить тебя всю жизнь
не вздумай не реви захлопни пасть
куда пошла кому ты там сдалась
я бьюсь я бью а значит я люблю
давлю твою свободу как свою
любью тебя воистину абьюз
ты меня любишь?
я тебя боюсь.

* * *

Обиду, словно горькую таблетку,
Имея опыт, проглотить легко:
Закрыть на ключ в свою грудную клетку.
Отправить, будто пулю, в молоко.

Я циферблат прикладываю к ранам,
Клянусь не думать плохо ни о ком,
Но пуля вылетает из стакана
И в горле поселяется комком.

Горчит. Торчит меж тонкими слоями,
Подобная дамоклову мечу,
Готовая рассыпаться словами,
Дурацкими обидными словами.
И я её глотаю. И молчу.

Юлия ЗАЙЦЕВА

Ярославская область

* * *

Люблю тебя какого-то рожна,
как будто я себя тебе должна.
Я нищенка, ты вечный мой процентщик,
и нет в залог ни ценности, ни вещи,
ни слова откупного у меня.

Неужто я тебя всерьёз люблю?
Опять в кармане дырочку сверлю,
чтоб потерялось всё, что накопилось.
Все фантики, монеты по рублю,
билет в кино, где запросто спросилось:
откуда ты на голову мою?

И, может быть, у края на краю,
в том городе далёком, где твою
походку имитирует прохожий,
у вечности тебя за так куплю.
Она, смеясь, ответит, отчего же
ты обошёлся мне всего дороже,
дешевле жизни, что в обмен даю.

МОЛЧАНИЕ

Ну что сказать, ну что тебе сказать?..
Мне хочется все звуки обрезать
до немоты, до пустоты, до смерти.
Благодаря блокнотному листу
я из стихов стремительно расту,
как из рубашек вырастают дети.

И потому я в рай не попаду,
что у тебя молчание краду,
что до сих пор не уличили в краже.
Пока есть звук, пока я помню речь,
мне хочется тебя стеречь, беречь
и первым делом от самой себя же.

Ну что сказать? Косноязычен слог.
Ночами для тебя не спит мой бог,
пока я зашиваюсь от безделья.
Он сон твой чуткий снова бережёт,
и, кажется, что дождь перестаёт,
и птицы, словно рыбы, онемели.

Екатерина ДЕДУХ

г. Санкт-Петербург

* * *

Пахнет остро дождями
растрёпанный пьяный шиповник.
И медовая сладость
мешается с горечью в нём:
Время пьёт наши жизни,
как в баре мы пьём свой джин-тоник,
И уносит бармен
опустевшие рюмки имён.
Даже в самом надежном
есть нежная хрупкость птенячья:
Никого не спасти.
Только мужества это принять
Мне не нужно.
Дай сил мне противиться этому вечно
И беречь всех,
кто дороги мне, до последнего дня.

* * *

Пустота моя, как щенок юля,
В предрассветной исчезнет мгле.
Никогда не даришь ты мне себя,
Но меня возвращаешь мне.
А случись потом интереса для
Бог оставит меня одну –
За тебя обнимет меня земля,
Распахнув свою глубину.

* * *

Закушу одиночество
острою долькой луны.
Все дневные дела
переделаны и сочтены,
Утомление больно,
настырно стучится в висок.
В голове загорается
медленно сна колесо,
Выжигая сознанье, бежит.
Я теряю момент,
Когда мысли последней
легко переломлен хребет,
И во мне воцаряется
та первородная мгла,
Что божественной силе
в себе обнаружить дала
Зародившийся свет.
Девяносто процентов она
Занимает во мне,
не имеет начала и дна.
Жизнь и память с себя,
как дорожную пыль, соскребя,
Каждый ею становится,
вновь обретая себя.

* * *

Я уеду за город,
где скрежет машинный не слышен,
Только говор ручейный
доносится издалека.
Здесь паденью комет
равнозначно падение вишен,
И сияние солнца
равно огоньку светляка.
Я ложусь на сплетенье
бессмертника, мака, осота –
И теряюсь в стрекочущей
жаркой зелёной волне.
И ни капли не кажется страшным,
что точку отсчёта
Сквозь слои не нащупать
уже никогда в глубине.

* * *

Гудит шмелями тёмная полынь
И пахнет жарко, тяжело и пряно,
И в голову от этого дурмана
Плывёт небес отчаянная синь –
Не проморгай момент: ладони сдвинь
И зачерпни полней из океана
Небесного, что поздно или рано
Тебя слизнёт
На глубину высот,
Чтоб снова ты был с ним.
Чтоб ты был Им.

Кира МАРЧЕНКОВА

Брянская область

* * *

Угодишь в неприглядное утро с разбега
И подумаешь вдруг:
Если это не снег, то предчувствие снега,
И прогнозы не врут.

Побредешь не спеша
в городской круговерти,
Обернувшись плащом.
Если это не смерть,
то предчувствие смерти
И чего-то еще.

Но пока не замерз,
не сдавайся, дыши с ней
В унисон – три-два-раз.
Если это не жизнь,
то предчувствие жизни,
Той, что здесь и сейчас.

* * *

То протягиваем руки,
То горим.
Не для смысла, а для звука
Говорим

Ни о чем, а все же каждый
О своём.
Этой речью злую жажду
Не уймём.

Хоть сердцами торопливыми
Чисты,
А на деле говорливы
Да пусты,

Видно нам судьба такая –
На беду
Говорить, не умолкая,
Ерунду.

И выходит, лишь усталые
Глаза
Все ещё умеют главное
Сказать.

* * *

Я помню – там река и город на реке
И старая, давно заброшенная пристань,
И круглые буйки сверкают вдалеке
То красным огоньком,
то чем-то серебристым.

Провинции моей убогий неуют,
Вечерняя пора и ветреная сырость,
Там больше никого в лицо не узнают –
Я городу тому наверное приснилась,

И он приснился мне
под старый Новый год –
Пристанище любви, прибежище печали,
В глухое никуда гудящий пароход,
Сто лет тому назад
прикованный к причалу.

* * *

Предсказуемо и гладко
Мир уходит на покой:
С клёна сыплются крылатки,
Гнётся ива над рекой,
Солнце падает за ельник,
Город прячется в тени,
Ускользает понедельник
Из усталой пятерни,
Чёрный мост скрипит и плачет
О несбывшейся весне,
Все закончилось. И начат
Первый снег.

* * *

Солнце греет крашеные стены
Воробей ныряет под карниз.
Уходя с провинциальной сцены,
Август возвращается на бис.
Что снаружи – клёны да заборы,
Ряд многоэтажек заводских –
Неуютный затрапезный город
Безнадёги и глухой тоски.
То штормит его, то листопадит.
Кажется, всего-то ничего –
Как страницу вырвать из тетради,
Так из сердца вымарать его!..
Сонный дворник держится за грабли
И глядит, как в доме на углу
Лихо машет крыльями журавлик,
Намертво приклеенный к стеклу.

Александр ЛОШКАРЁВ

г. Липецк

* * *

Слезы – вовсе не грех
в бесконечную осень,
если мокрый ноябрь приплелся во двор,
если ветер последние мысли уносит,
да и те, в общем, – вздор.
Мир сомкнулся до стен
трех домов обветшалых
и огней супермаркета, в вечную муть
не мигая глядящих. Почти не мешают.
Разве только чуть-чуть.
…Не уснуть, как всегда.
Выйти в старенькой куртке,
чтоб ноябрь, как щенка,
приласкать на груди,
незаметно шепча в тишину переулка:
все еще впереди.

* * *

По-над крышами, под облаками,
опираясь на дым заводской,
чуть качаясь, слепыми шагами
сокращаю дорогу домой –
в сигаретно горчащее детство,
в хриплый лай беспризорных собак,
в беспробудное пьянство подъездов,
в замеревшее время и место,
из которого выйти – никак.
Сколь не пробуй – с вещами на выход –
сзади свет, темнота – впереди.
Возвращение – это не прихоть,
это финиш земного пути.

* * *

Родины пейзаж провинциальный,
где все так же – водка и блатняк.
Вывесок неоновым мерцаньем
вечер кормит зябнущих дворняг.
Полицейской люстре, прикорнувшей,
не понять вовек по чьей вине,
мудрость поколений предыдущих
сведена к трем буквам на стене.
Вросший сердцем в эту безнадегу,
где немногим в целом повезло,
примиряюсь с жизнью без упреков
простодушно, тихо и светло.

* * *

Не избежать друг друга, нет,
отгородившись городами.
Ночь – расстоянье между нами –
короче пачки сигарет.
Без счета кануло сердец
в ее колодезном молчанье.
Но я пока еще в начале
пути во тьму – в один конец.

* * *

Не на развалинах самовластья,
ну что ты – Бог мой!
Меня припомнят не ради счастья,
а ради хохмы
в глухих поселках, быльем поросших
с Союзом вместе.
Мол, надышался российским прошлым
и – спета песня.

Александр РУХЛОВ

г. Курган

* * *

Мы замечтались. Мы и не замечали:
Минул сентябрь, октябрь у порога замер.
Осень сегодня
всю ночь за окном молчала
И куда-то звала заплаканными глазами.

И шуршали дожди в полумраке,
как будто воры.
И вода у парома
дышала холодным паром.
Обнажённая осень,
себя не помня, входила в воду
И облака в обмелевшей реке купала.

И огибая прохожих, не оставляя тени,
Вслух ничего особо не выражая,
Жёлтые листья
по жёлтому городу разлетелись
На осколки разбитыми
жёлтыми витражами.

…А я брожу по городу, как блаженный,
И летящие листья шагами опережаю.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Так в пепел истлевают лавры.
Домой однажды возвратимся.
Всё будет нам: камыш и август,
И дальний плач болотной птицы,

Очаг да горькая краюха,
Звезды пастушьей костровище
Над пепелищем и разрухой,
И крови зов, и губы в вишнях,

Пейзажа скудная палитра,
Переплетенья сонных улиц,
Ночная матери молитва
О тех, которые вернулись.

Чтоб дал нам Бог и клёв на плёсах,
И сок берёзовый в апреле,
И жён – бессонных и бесслёзных,
Глядящих кротко в колыбели.

Дай Бог нам здесь родиться снова –
Среди корней, земли и неба,
Сквозь горечь почвы солонцовой
Врастая в степи диким хлебом.

Мы уходили за мирами,
Чтоб вновь прийти к седому дому –
Сюда, где время замирает
Простою рифмой на ладони.

Умыться пеплом и молвою
И начинаться в новых главах,
Счастливой скорбною главою
Уже не утопая в лаврах.

СТАРЫЕ ДВОРЫ

Где лохматые сонные тополи
Запрокинули головы ввысь,
Там гулял ты в сандаликах стоптанных,
Там бетонные кони паслись.

Ты узнаешь дворы обветшалые,
И они тебя помнят пока.
Только яблоки стали шершавыми
У коней на покатых боках.

«Дай Бог нам здесь родиться снова»

За песками далёкой песочницы
Спят жирафы из радужных труб.
Совершает с отчаянной точностью
Молчаливая память свой труд.

Где ржавеет железное кружево
Вечно жаждущих неба ракет,
Ты убит деревянным оружием:
Сколько зим, столько лет,
больше нет!..

Сдержишь слёзы.
Негоже. Не маленький.
Но качели заплачут с тоски.
Их встревоженный стонущий маятник
Будет время рубить на куски.

Все соседские бабушки умерли.
Ну а мы, может быть, не умрём.
Скрип качелей сквозь тусклые сумерки
Одиноким летит журавлём.

* * *

Словно рыба, сердечная мышца
Застучала в ребро плавником.
Я в февральскую улицу вышел,
Синевы зачерпнул башмаком.

Ледяное и тонкое утро,
Сквозь которое видно весну.
Ветер сети ветвей перепутал
И хвостом по рассвету плеснул.

И от страшной, неслыханной жажды
Ожидания нового дня
Обнажились иссохшие жабры,
Из-под сонных артерий садня.

Видно, будут ловцы человечьи
Нас обратно в рыбьё обращать.
Всех увечных, калечных, конечных, –
Нас устали просить и прощать.

И слова, словно рыбы, затихли.
Но я видел сегодня во сне:
На заре Ты, незримый и тихий,
Ловишь, Господи, рыбу во мне.

Дмитрий ХАНИН

г. Ростов-на-Дону

* * *

Мгновений бег – позёмки бег.
Здесь так зимы по-русски много!
Меж холодов бредёт дорога
И снег сменяется на снег.

И я сменяю год на год.
Мой снеговик, что слеплен Прошлым,
Тревогой зябкой припорошен.
А смотрит всё-таки вперёд.

Душа к прозренью не близка.
Но отовсюду небо брезжит.
И очень хочется надежду
Найти в глазах снеговика.

Белеет вечность вдалеке.
Жизнь повторяется стократно…
…А снег о чём-то невозвратном
Скрипит на русском языке.

РОСТ

Пусть не спешит трава погоста:
Моя Судьба ещё в пути.
Душа мне кажется подростком –
Душе положено расти.

Она взрослеет не по датам,
Порой сама к себе слепа,
То вдруг резка и угловата,
То вдруг наивна и глупа.

Она подчас такое выдаст –
Держись от смеха за живот.
…Читаю книги ей на вырост,
Авось хоть малое поймёт.
Душа растёт, растёт негромко,
С годами делаясь мудрей,
Пока не вырастет настолько,
Что в теле тесно станет ей.

До той поры совсем непросто,
Сводя отчаянье на ноль,
Осознавать болезнью роста
Души клокочущую боль.

Не растерять удачу мне бы,
Чтоб к завершению пути
Душа до радужного неба
Сумела светом дорасти.

* * *

С утра почудилось: проснулся
Под кровом, где гостил в шесть лет.
И в семь гостил. И в девять. Свет
Во мне и окнах встрепенулся.

Всё было в комнате, как прежде:
Кровать, икона над столом,
И стены белены добром,
И жизнь отоплена надеждой.

Так хорошо по-детски в спальне,
Но страшно выглянуть за дверь:
Быть может, сломан дом теперь,
А я очнулся в прошлом дальнем.

…И вдруг пойму, одёрнув плечи,
Что в час, когда к себе вернусь,
Я в этой комнате проснусь
Не на мгновение. На вечность.

* * *

Дедушка умер. А в доме светло,
В доме покой – фонарям на потеху.
Будто бы время течёт, как текло,
Дедушка к бабушке просто уехал.

Бабушка с прошлого года в раю –
Нынче сверчки с ней беседуют чутко.
Дедушка скоро там встретит зарю,
Лишь доберётся ближайшей попуткой.

…Тихо в окно упирается взгляд.
Ночь замерла, как вопрос без ответа.
Свечи у гроба бессонно горят,
Схожие с фарами дальнего света.

Роман ПОПЛАВСКИЙ

г. Тюмень

ПУГАЛО

Пустое поле. Убран урожай.
Но всюду, как и раньше, тут как тут
вороны – угрожай не угрожай –
разгуливают, клювом не ведут.
Их сиплые насмешки: кар-кар-кар-
кармические в памяти, точь-в-точь
в заборе гвоздь, засели; на руках –
отметки от когтей, и я, никак
о них не в силах мысли превозмочь, –
эх, руки коротки, кишка тонка! –
от прошлого отмахиваюсь – прочь!

Теряю равновесие, нелеп.
Опоры ЛЭП – и те на костылях,
так высоки, как будто по земле
они уже устали ковылять
и тянутся туда, где облака,
и напряжённым взглядом свысока
сверкают, электрически маня.
Хоть яма в чернозёме глубока,
но палка не дала корней пока –
я не расту.
К тому же из меня
воровки исподволь со всех сторон
выуживают сено и щепу.
О чём мечтать, когда я не ворон,
а будущее прогоняю? – бу!

Чего хотеть, когда очередной
весной придёт, ступая тяжело,
заговорит как будто не со мной,
а сам с собой,
и сеном и щепой
наполнит мне простывшее нутро?
Не станет он о прошлом вспоминать,
о том, что после,
не проронит слов –
протянет, к настоящему готов,
мне руку заговорщически – на!
И нарисует вороным углём
на котелке неварящем моём
оскал побольше и глаза без дна.

Елена МАРЧЕНКО

г. Омск

* * *

Шагаю к тебе,
поднявшись на кончики пальцев,
тянусь всей душой.
На улице
звонкой капелью март осыпается
с хмурых карнизов.
Весна – это время влюбляться
и, сняв капюшон,
смотреть, как в небесную высь
возвращаются птицы.
Я прячу перчатки,
вручаю ладони тебе,
дороги плывут.
Луч яркого солнца
на чёрном пальто оставляет
тёплые пятна,
и я застываю в блаженстве
коротких минут,
наполненных светом, тобой
и дыханием марта.

* * *

В детстве забот-то было:
Ссадина на коленке,
Вдруг расплелась косичка,
Мячик пропал в траве.
Я всё вокруг любила,
Кроме молочной пенки,
Запаха жжёных спичек,
Йода и сна в обед.
Так поскорей хотелось
Вырасти – взрослым проще
И интересней даже –
Взрослые могут всё!
Выросла, повзрослела,
Ссадины стали больше,
Йод перестал быть страшным,
Жалко, что не спасёт.

Мария ЧЕТВЕРИКОВА

г. Омск

* * *

Отказаться от шанса
прожить на пределе жизнь
равносильно тому,
чтобы вовсе ее проспать.
Мы с тобою следим,
чтоб играющие во ржи
не упали бы в пропасть, –
задача весьма проста.

Вечный вечер над полем огромным.
И прост расчёт.
Воздух страшно бесстрастный
колеблется и дрожит.
Он получит однажды и нас. Но пока ещё
мы над пропастью этой
извечной стоим во ржи.

Опыт в роли ловца
очень круто меняет жизнь:
бездна всюду с тобой,
как ты окна ни занавесь.
Мы не сможем уже,
как другие, играть во ржи…
Улыбнись мне в ответ,
пока мы еще оба здесь.

* * *

Южный ветер степной,
искупай мои стопы в песке,
расплети мои косы,
расправь мои плечи и крылья,
спрячь меня ото всех,
чтоб не видели, сердцем я с кем,
потеряли из виду меня,
ослеплённые пылью,
что поднимешь с земли.
Нас с тобою увидеть нельзя.
Жёлтый зной, алый жар – лишь для нас!
Для других – пыли сер цвет.
Ты пришёл, южный ветер,
и ты меня на руки взял.
Я степная, твоя. Ну а сердце…
Ты знаешь, с кем сердце.

* * *

Алое солнце на сером небе –
вроде бы лето, а бьёт озноб.
Как же принять, что со мною и с ней был,
что выбираешь из двух зазноб?

Выбрал другую? Из рук я – птицей.
Мятые крылья – впервой ли мне?
Что же ты медлишь со мной проститься?
Что же сжимаешь ещё сильней?

Что же ты тянешь? Куда мне деться?
Хочешь, сама я курок – на взвод?..
Алое солнце упало сердцем,
так и не выкрасив небосвод.

* * *

Юбки летят и звенят монисты,
пусть не фламенко – dubstep грохочет.

Дети чужие растут быстро,
дети любимых – быстрее прочих.

Пусть и не площадь – танцпол не хуже:
сангрией – кровь, тело – жгучим перцем.

Дон, вы ошиблись, не нужен муж мне,
нужно, чтоб не разорвалось сердце.

Цепи прочны, а цепочки тонки.
Лишь бы смириться к исходу ночи.

Жёны бывают несчастны, только
жёны любимых счастливей прочих.

* * *

Лук со стрелами – за плечами:
слишком взрослая для обид.
Я – охотница за печалью,
Артемида из Артемид.

Распалённость ночной погоней
и подраненная печаль.
А заменит луна огонь – и
много ль надо, чтоб одичать?

Выстрел! Рыкая ли, крича ли,
я ликую!.. Рассвет, роса.
Я – охотница за печалью,
не скудеют мои леса.

«ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ». ПОДПИСКА

Газета – ежемесячник, 6 номеров.
Журнал-приложение – ежеквартально, 2 номера (360 страниц).
СТОИМОСТЬ ПОЛУГОДОВОЙ ПОДПИСКИ
на 2021 год (I полугодие) с редакционной пересылкой:
газета – 350 рублей, журнал-приложение – 400 руб.
КАК ЗАКАЗАТЬ и ОПЛАТИТЬ ПОДПИСКУ?
Перечислить на редакционную карту Сбербанк VISA: 4276 1609 5327 0023,
либо послать почтовый перевод по адресу: 119146, Москва, Комсомольский пр., 13,
редакция, Ерофеевой Валентине Григорьевне (гендиректор издания).
Контактный телефон: 8 916 015 80 69

АНО «Газета русских писателей “ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”»
Учредитель – Союз писателей России
Свидетельство о регистрации от 12.04.2019
№ 1197700005513

Адрес редакции: 119146, г. Москва, Комсомольский проспект, 13, каб. 109
Тел. редакции: **8 (916) 015-80-69**
Наш сайт: **denliteraturi.ru** Электронный адрес: **denlitera@yandex.ru**
Отпечатано в АО "Красная Звезда" (125284, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38, тел.: (495) 941-32-09, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62, http://www.redstarprint.ru, e-mail: kr_zvezda@mail.ru).
Тираж 4 000

Главный редактор – **Валентина ЕРОФЕЕВА**
Над номером работали:
Роман КРУГЛОВ и Елена ИВАНОВА –
Союз молодых литераторов, Санкт-Петербург